

О необходимости навещать более-менее официальные местечки для официального удовлетворения своих физических — и душевных — нужд Линь Фан понял как раз после того случая, когда на нервах, после визита к «незарегистрированному» специалисту, надумал себе болячку, после чего долго и очень целомудренно просил Су Мяо себя осмотреть. Когда же ей это надоело, и она всерьёз и как-то страшно пылая глазами предложила «осмотр», Линь Фан как будто очнулся, окстился и оказалось, что в действительности с ним всё в порядке, и что это были просто нервы.

Но с тех пор мужчина перестал подбирать девушек, — часто без определённого места проживания, что неудивительно, учитывая сколько они с него брали и на что тратили свои доходы, — на улицах и стал постоянным, хоть и не регулярным, клиентом борделя. Единственного на весь город, если это место вообще можно было назвать городом. В большинстве своём на луне-свалке проживали рабочие — мусорщики, которые занимались распределением и переработкой отходов, и их семьи. Обитали они в огромных многоэтажках, которые, несмотря на недавнюю реставрацию, всё равно напоминали бетонные муравейники. Только теперь с тут и там растущими персиковыми деревьями да газончиком, на котором валялись пивные баночки.

Кроме сереньких жилых зон было ещё несколько развлекательных кварталов, и вот они, на фоне блеклой жилой застройки, пестрели как цветы в потёртой шине. Всюду горели вывески, намазанные раствором из толчёных духовных кристаллов, по улицам сновали толпы, люди то и дело валялись на землю, слишком пьяные, чтобы подняться, и тогда их тащили за ноги и сбрасывали в кучи, где пьянчуги должны были «отрезвляться» до первых лучей солнца, барахтаясь среди себе подобных.

Благо, такая печальная участь ожидала только бедняков, у кого не осталось после бурной ночи ни единого духовного кредита в кармане. У Линь Фана их тоже больше не было, однако купленное им время ещё не закончилось, а потому все прискорбные картины были спрятаны от него за двойными шторами, а шум, гам и крики улицы не пропускали к нему звуконепроницаемые стены.

Мужчина лежал на белой кровати в красной комнатке, накрытый по пояс одеялом. Рядом с ним была девушка, совершенно голая, но тоже прятавшая всё ниже пояса под белым покрывалом и прижимавшаяся внушительной грудью в белый матрас.

Спина девушки изгибалась.

У неё было милое, юное и немного пухленькое личико, немного даже миниатюрное на контрасте с её пышными формами. Волосы её, пшеничного цвета, были заплетены в короткие косички, которые оведали голову. На её губах, розоватых, без помады, сияла тусклая и ровная улыбка.

Линь Фан смотрел на облезший краешек обои в углу потолка; потом он повернулся и взглянул на девушку. Вдруг мужчина схватил её и одним движением уложил на себя: теперь её ноги извивались в его ногах, а груди соприкасались бы с его грудью, если бы между ними не протянулось белое покрывало. Достаточно дешёвое покрывало, заметил Линь Фан. Грубое.

— Ещё...? Тогда вам нужно заплатить... — промолвила девушка.

— Я на мели. Можно хотя бы полапать на сдачу? — усмехнулся Линь Фан и провёл рукой по спине девушки, нежной и мягкой, и ниже... Девушка улыбнулась.

— ...Жожо, я же у тебя как постоянный клиент, так? Ты тут одна в моём вкусе... Я уже же

говорил, мне приятней когда со мной на ты, — сказал Линь Фан, убрал руки с девушки и заложил их себе за голову. Она у мужчины была лёгкая, полная алкогольного дурмана.

— Как скажешь... Сир, — улыбнулась девушка.

— Можно и без сира... Хм? — Линь Фан вдруг почувствовал холодок у себя на груди. Он приподнял голову и заметил золотистый кулон на шее девушки, который спадал ему чуть ниже ключицы. Мужчина взял его и приоткрыл, и на секунду в глазах девушки загорелся и сразу погас огонёк.

— Кто это? Клиент? — спросил Линь Фан, разглядывая фотографию внутри кулона — старика примерно пятидесяти... Мужчины в самом расцвете сил.

— Он... — Жожо замялась и отвела взгляд.

— Мой отец... — сказала она после заминки, а затем приподнялась и присела на край кровати. Линь Фан тоже присел и посмотрел на её голую спину. Жожо напряжённо уставилась в стену, и мужчина понял, — сейчас будет монолог. Его рука сама собой потянулась к бутылке ликёра на шуфлядке возле кровати, но бутылочка оказалась лёгкой и пустой.

— Ничего, просто... Просто... Он задолжал некоторую сумму важным людям, и теперь я работаю... Чтобы выплатить его долг.

— Вот как... Грустно история, да... — кивнул Линь Фан и выглянул в небольшую щёлочку между штор, в которой переливаясь сверкал оживлённый город. Мысли мужчины были немного спонтанными, рваными. То и дело они терялись в хмельном дрёме. Настроение Линь Фана, за очень короткий промежуток времени, успело несколько раз поменяться. В какой-то момент он просто завис, а потом обнаружил, что снова и снова повторяет про себя это слово: «долг».

Долг, долг... Мужчина и сам кое-что задолжал, но уже, наверное, никогда не сможет этого вернуть... Линь Фан пощупал золотистое колечко в своём ухе. Потом ему почему-то вспомнилась та малявка, которая осадила его дверь, и настроение мужчины совсем скисло.

Он уже давно не мог никому помочь, не мог ничего сделать... Сегодня он потратил всю свою заначку за пару месяцев, и на что? На визит в бордель? Мужчина пропитался к себе злым отвращением, но не жалостью. Жалости он к себе не терпел, и потому так разозлился, когда утром снова пришёл этот проклятый конверт...

Стоп.

Вдруг Линь Фану вспомнился конвертик, который он выбросил в мусорную урну. Мужчина сглотнул, повернулся и спросил:

— Говоришь, задолжала? А сколько...

Глазки Жожо, которыми она смотрела на пол, вспыхнули.

— Стой, в смысле... Не важно сколько. Будь здесь. Это наше какое там «свиданьице»? Седьмое? Юбилей получается. Не принимай больше клиентов сегодня, я там... Кое-куда сгоняю и привезу подарок, — Линь Фан вскочил с кровати и начал запинаясь тараторить и быстро натягивать свои потёртые штаны и рубаху. Девушка наблюдала за ним искоса. Когда он вдруг посмотрел на неё, и усмехнулся, она немедленно ответила собственной вымученной улыбкой.

— Скоро буду, надо будет такси найти... — проговорил Линь Фан и вышел за дверь. А девушка осталась совершенно одна в красной комнатке, закутанная в белое покрывало. Она растерянно осмотрелась, выглянула в сверкающую прорезь в шторах, а потом медленно нажала на нефритовую кнопку на другой шифлячке, со своего края.

— Что ещё? — прохрипел грубый голос.

— Сир... Кажется... — медленно заговорила девушка.

— Чего тебе кажется, говори быстро...

— Кто-то... Поверил, — с выдохом проговорила девушка.

— Какой-то идиот клюнул? Серьёзно? — спросил грубый голос и замолчал, едва ли не на пару секунд. Девушка уже думала ответить ему «Да», как вдруг голос засмеялся: он смеялся долго, хрипло, дико. Девушка напряглась и стала неуверенно улыбаться.

— Отлично, ха... Отлично. Нарядись и жди его. Такого редко встретишь, золотая рыбка, сука... Он был пьян?.. Под кайфом? Сможет добраться до своей заначки? Или его проводить? Не хватало ещё, чтобы он заснул в подворотне, а на утро забыл твой грустный рассказик...

Линь Фан действительно был пьян, и голова его работала не важно, однако он был пьян большую часть своей жизни последние двадцать лет, а потому кое-как сумел выбраться из борделя на мостовую. Яркий свет красно-розовой вывески заведения падал на землю, вся остальная улица тоже сияла всевозможными вывесками: сверкающая тарелочка с лапшой, телевизор с высокими антеннами, — прямо как у Императрицы Ледяных Гу, подумал мимолётно Линь Фан, — и корешок женьшеня, большой такой, с глазками, который пытался вырваться из котла и что-то кричал — иероглифы, изображавшие его крик, быстро мелькали один за другим...

Здание борделя было довольно простеньким в этом плане. Линь Фан вышел из него, встал у края дороги и стал сигналить, чтобы поймать такси. Довольно быстро к нему подъехала машина. Из неё выглянул мускулистый лысый человек. Он взглянул на Линь Фана, осмотрел его оценивающе, и сказал:

— Милая серёжка. Сколько?

— Шесть... Километров, где-то, туда и обратно, — ответил мужчина.

— Шесть километров, туда и обратно. Оплата... На полпути, — повторил он для ясности.

— Шесть аж, туда и обратно. Нехило старичок. Так сколько? — снова спросил мужчина, крепко сжимая кожаный руль.

— В смысле сколько? — переспросил Линь Фан.

— За сколько продаёшься, я тебя спрашиваю... Или ты это, — так? — мужчина ухмыльнулся.

Тут Линь Фан осмотрелся. Вокруг него, слева и справа, прямо перед борделем, стояло множество нескромно наряженных девушек, возле которых то и дело останавливались автомобили...

— Произошла чудовищная ошибка, — проговорил мужчина монотонным голосом и отпрянул от

машины.

— Тс, — водитель сплюнул и закрыл окно.

Вскоре, после полуминутной растерянной ходьбы, отдалившись на приличное расстояние от борделя, Линь Фан таки снова попытался поймать такси. И поймал. Водителем был сухой тощий старик лет примерно шести... Сухой мужчина, поправил себя Линь Фан. В расцвете сил. И этот мужчина в расцвете сил взглянул в зеркало заднего вида. Линь Фан кое-как встретил его взгляд. Старик убедился, что пассажир не пьян совсем в никуда, и не под ещё чем-то, и что от него, наверное, действительно можно ожидать оплаты потом, и они поехали.

Линь Фан расслабился на заднем сидении машины. Вскоре он заметил яркий свет на горизонте и попросил открыть окно. Таксист нехотя согласился. Мужчина высунул голову на ветер и взглянул на отдаляющийся город. За ним медленно всплывала в звёздном небе огромная золотистая планета.

Называлась эта планета просто — «Золотая Звезда», и представляла собой экуменополис с населением более чем в семьдесят миллиардов человек. Её окружало несколько лун. Некоторые из них были курортными, некоторые, совсем маленькие, сверкающие цветастыми звёздочками на небосводе, находились в частной собственности особенно богатых семейств и сект.

Линь Фан наблюдал за сияющей планетой и вдруг стукнул ногой по сиденью. Машина медленно остановилась. Водитель осмотрелся, увидел вокруг тёмную свалку и с явным подозрением покосился на своего пассажира. Не обращая на этот взгляд внимания, мужчина вышел на трассу. Сразу же его обдал холод. Линь Фан вздрогнул и быстро спустился по ступенькам, кое-как обогнул мусорные кучи и вскоре нашёл свой дом. Света внутри не было. Линь Фан нахмурился и открыл дверь, — сразу же опасения его подтвердились. В помещении было едва ли не холоднее, чем снаружи. Мужчина опустил руку на батарею, — и пальцы его чуть не прилипли, такой она была ледяной.

Тут Линь Фан вспомнил — ему же кроме конверта пришли ещё и счета...

Мужчина покачал головой и с некоторой надеждой взглянул на свою кровать. На ней было пусть тонкое, но одеяло, под которым можно было согреться. Но никто не грелся, и девочку мужчина нашёл в углу помещения.

Они заметили друг друга почти одновременно. Раздался нежный и радостный вдох. Линь Фан с трудом разобрал в темноте миниатюрное, очень костлявое создание, поджавшее ноги и дышащее на свои ладоши.

— М-мастер?! В-вы в-вернулись. Я б-боялась, что з-замёрзну нас-смерть. Я п-прошла ваше испытание? Теперь вы мой М-мастер? — пролепетала Мая сквозь стучащие зубы.

— Испытание, конечно... Ты почему домой не пошла? — спросил мужчина настолько растерянно, что даже без раздражения в голосе.

Ответ его обескуражил.

— Я-я... Не знаю д-дорогу от-тсюда, — ответила девочка с улыбкой, едва различимой в тёмном без света звёзд помещении.

Линь Фан стал массировать свои веки. Потом он как остолбенел и спустя пару секунд хрипло

вздохнул:

— Пошли.

— Куда?

— Не важно, погреешься и кыш, ясно?

Не дожидаясь ответа, мужчина вышел из помещения и взглянул в звёздную высь. Потом он кое-как отыскал среди мусора конвертик и проверил его содержимое: сверкающие бумажки. Тратить их на себя, принимать эту подачку, было бы жалким, убогим поступком. Несмотря ни на что, у мужчины оставалась гордость. Но вот что он не мог сделать, так это позволить своей гордости взять вверх над альтруизмом. Тогда бы это была уже не благородная гордость, но очень, очень жалкая...

Мужчина быстрым шагом пошёл на лестницу. Мая бежала у него за спиной. Они взошли на шоссе, после чего Линь Фан залез в тёплый салон машины. Девочка совсем немного помявшись залезла с другой стороны.

Водитель наблюдал за всем происходящим в стекло заднего вида и всё время хмурился. Наконец он заговорил:

— За два человека...

— Можно без сдачи, — Линь Фан протянул ему купюру. Старик взглянул на неё, и глаза у него стали широкие-широкие; он сразу замолчал и так резко надавил на педаль газа, что машина, вихляя, чуть не слетела с трассы.

Тогда Линь Фан стал пристально смотреть в окно, и смотрел так, пока не успокоил свои нервы. Потом он покосился на девочку на сиденье рядом. Она всё ещё немного подрагивала и стучала зубами, но улыбалась. Мужчина прыснул и снова стал глядеть, как катится за мутным окошком звёздный ковёр...

<http://tl.rulate.ru/book/52126/1315958>